

УДК 821.161.109-32+929Распутин

МОТИВ САМОРАЗРУШЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РАССКАЗАХ В. РАСПУТИНА 1990–2000-х ГОДОВ

Ю. О. Васильева

Васильева Юлия Олеговна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, julia5015@yandex.ru

На материале поздних рассказов В. Распутина анализируется мотив саморазрушения человека. В произведениях прослеживаются приметы антропологического кризиса, который воспринимается писателем не просто как угроза отдаленного будущего, но как опасность, угрожающая человечеству здесь и сейчас.

Ключевые слова: Распутин, мотив, малая проза, проблема антропологического кризиса, публицистический пафос.

The Motive of a Person's Self-Destruction in V. Rasputin's Stories of the 1990–2000s

Yu. O. Vasilyeva

Yulia O. Vasilyeva, ORCID 0000-0002-2154-159X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia, julia5015@yandex.ru

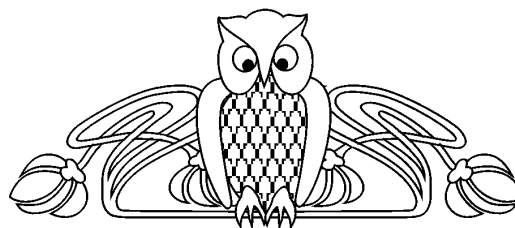
The motive of a person's self-destruction is analyzed in the article on the material of V. Rasputin's late short stories. These works show the signs of the anthropological crisis which is perceived by the writer not just as a threat of a distant future but as a danger hanging over humankind in the here and now.

Key words: Rasputin, motive, short prose, problem of anthropological crisis, journalistic pathos.

DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-81-86

В 1985 г. опубликована повесть В. Распутина «Пожар». Следующее крупное произведение писателя – повесть «Дочь Ивана, мать Ивана» – вышло лишь в 2003 г. В 1990-е гг. В. Распутин работает только над публицистикой и рядом рассказов, большинство из которых, на наш взгляд, объединяют темы гибельности настигших Россию перемен и саморазрушения человека.

Писатель почти в каждом произведении обозначенного периода упоминает о коренных изменениях в жизни русского народа. Вместе с политическими и экономическими преобразованиями переменились основные жизненные принципы людей, иным стало их самоощущение. Цепочка распутинских рассказов отразила «новые виды лютой жизни» (А. Солженицын)¹. Г. Угловская отмечает, что цикл постперестроечных рассказов сибирского писателя «родился из авторского восприятия современности как временной посткатастрофы, когда разбивается традиционная жизнь Руси»².

Во многих произведениях В. Распутина прямо говорится о гибельных для всего мира изменениях: «Вся жизнь давно превратилась в сплошное недовольство, глухо и темно тлеющее под нагоревшей золой обид и несправедливостей»³ («В одном сибирском городе»); «пока они жили по старинке, произошел форменный разворот на все градусы от указанного раньше направления жизни»⁴ («Сеня едет»); «из недр жизни изверглось всё зло, копившееся там столетиями, и обрушилось на каждого человека потоками»⁵ («В больнице»); «наступил праздник воли, грянуло неслыханное торжество всего, что прежде находилось под стражей нравственных правил»⁶ («Россия молодая»); «жизнь открылась сплошной раной»⁷ («В ту же землю») и т. д. «Хочешь не хочешь, а надо сознаваться: всё тепери не так. На холодный ветер, как собачонку, выгнали человека, и гонит его какая-то сила, гонит, никак не даст остановиться. Самая жизнь гончей породы. А он уж и привык, ему другого и не надо. Только на бегу и кажется ему, что он живет. А как остановится – страшно. Видно, как все кругом перекошено, перекручено...»⁸, – размышляет Наталья, разговаривая с шестнадцатилетней внучкой Викторией, отправленной к ней в деревню после аборта («Женский разговор»).

В поздней прозе В. Распутин показывает, как постепенно нормой становится то, что в прежние века признавалось табуированным. «Ни в какие времена люди не приближались, вероятно, к подавляющей добросклонности, и всегда на одного склонного приходилось двое–трое уклонных. Но добро и зло отличались, имели собственный четкий образ. Не говорили: зло – это обратная сторона добра <...>. Что затем произошло, понять нельзя. Кто напугал их, уже переступивших черту и вкусивших добра, почему они повернули назад? Не сразу и не валом, но повернули. Движение через черту делалось двусторонним, люди принялись прогуливаться туда и обратно, по-приятельски пристраиваясь то к одной компании, то к другой, и растёрли, затоптали разделяющую границу»⁹, – размышляет Иван Петрович, герой повести «Пожар». Нивелирование границы между добром и злом можно рассматривать как причину антропологического кризиса конца XX в., показанного в художественном мире В. Распутина.

Новые порядки, связанные с наступлением времени безграничной свободы и нравственно-го беззакония, достаточно подробно описаны в рассказе 1995 г. «Россия молодая». Герой-

рассказчик, совершая перелёт из Иркутска в Москву, неожиданно попал в окружение людей незнакомой, чужой ему России. Рядом с ним летели коммерсанты, которые отличалась от круга рассказчика как внешне («почти все в “упаковке”: кожа, джинсы, кроссовки, на лицах впечатанная небрежность, движения порывистые, резкие, глаза с быстрыми прицельными взглядами»¹⁰), так и по своим установкам – они готовы идти к цели, нарушая все общественные и морально-нравственные устои. В. Распутин характеризует время новой России как эпоху, когда «даже библейские заповеди занесены в старорежимное тягло, стесняющее, как кандалы, свободу человека»¹¹.

Со счетов сброшены все нормы, согласно которым в прежние времена функционировало общество. Молодые люди курят, хотя при посадке была просьба не делать этого, на весь салон обсуждают восьмилетнюю мексиканку, которая родила ребёнка, включают настолько громкую музыку, что «она способна дробить камни»¹², пьют, играют в карты, мешая отдыхать остальным пассажирам, матерятся. Один из пассажиров даже начинает «выплясывать в кресле какой-то уж очень отчаянный танец»¹³. Рассказчик с удивлением и горечью наблюдает за забавой молодых людей в аэропорту Новосибирска: его спутники поставили под ноги маленькую бутылку с узким горлышком и плюются в нее, соревнуясь, кто точнее попадет, нисколько не смущаясь тем, что плевок попадали на одежду, разбрызгивались на ветру. В бескультурной забаве попутчиков автору видится не частный случай, а зарождающийся обычай: «Должно быть, эта игра с тех пор распространилась, не знаю. Судя по тому, с каким восторгом она была встречена, она не могла быть забыта. Сейчас много новых забав, под вкус и страсть нынешнего человека, до которых прежняя фантазия не доходила»¹⁴.

Рассказчик пытается взглянуть на то, что происходило на борту самолёта, глазами соседей – супружеской пары из Латвии, которая навещала сына, живущего в Сибири. «Должно быть, для соседей моих, возвращающихся в Ригу, вопрос решен: России нет. Искать пристанища по кровному родству негде. Там глухая нелюбовь, подчёркнутая, рассчитанная, там люди решительно разошлись на “своих” и “чужих” и свои выживают чужаков по племенному неприятию; здесь – разгул нравов, вплеснувших со дна»¹⁵. В. Распутин прямо пишет в рассказе о том, что государства рушатся, когда их жители отступают от нравственных правил, а это, как показано в произведении, повсеместно происходило в 1990-е гг.

В то же время писатель не верит в окончательную гибель родной земли. «Россия есть... <...> С Петра повелось и всё не кончится, что пуше иноземного нашествия терзают её великие преобразователи, борющиеся с отсталостью»¹⁶.

В. Распутин сравнивает преобразователей с Моисеем, который «вырвал народ из-под власти фараоновой, но для этого пришлось вырвать его из родной земли и отправить в пустыню»¹⁷. Поколеблены, а то и разрушены все жизненные устои, при этом надежда на возрождение много-страдальной страны в тексте произведения достаточно сильна.

Распутинский страх за настоящее и будущее России, на наш взгляд, неверно было бы объяснять исключительно политическими и экономическими преобразованиями, которые произошли в стране в конце XX в. Ещё одна причина изменения сущности человека кроется в ускоряющемся темпе развития всей земной цивилизации. Не случайно герой рассказа «Россия молодая», наблюдая за своими попутчиками, отмечает, что одни и те же события, например авиаперелёт, для представителей разных поколений имеет различное значение. «Другие люди, другое поколение, сделавшее шаг вперёд по сравнению с нами в новую атмосферу, физическую и психическую, для психики которых становится обычным, рядовым то, что в нас только зарождалось? Или от более простого чувственного сложения, от происходящего изменения, перерождающее человека в какое-то новое существо, приготовляемое для встречи с будущим?»¹⁸. В публицистике В. Распутин отмечал «неспособность человека при существующей системе образования угнаться за структурными и качественными изменениями жизни»¹⁹. Иными словами, внешний мир благодаря плодам технического прогресса изменяется так быстро, что человек не успевает к нему адаптироваться – он теряется, его психика испытывает колоссальные нагрузки, а внутренняя сущность человека, его принципы, мировосприятие деформируются.

Можно говорить о том, что люди, представляющие себя полноправными хозяевами жизни и при этом готовые преступить любые морально-нравственные табу, были всегда – вспомним архаровцев из «Пожара». Однако теперь они заняли место не только коммерсантов – героев рассказа «Россия молодая», но и представителей власти. Осмыслению их поведения посвящён рассказ В. Распутина 1994 г. «В одном сибирском городе». В основе его фабулы лежит политический переворот в крупном областном центре, в котором по всем чертам узнаётся родной писателю Иркутск.

По сюжету произведения здание администрации было взято под охрану группой спецназовцев, готовых стрелять по любому, кто пересечёт полосу движения транспорта (первой жертвой автоматчиков становится городской чудак старик Вержуцкий, решившийся преступить запретную черту с поднятым вверх белым платком).

Рассмотрим, как создаётся в рассказе образ власти. Произведение начинается с сообщения о роспуске Думы: «Президент, как водится, об-

ратился по телевидению к народу. Он объявил, что выборы себя в России не оправдали. С этим нельзя было не согласиться: если всё равно разгонять, то зачем избирать?»²⁰. Не в лучшем свете предстаёт губернатор Ручиков: «Как все, он много обещал, гораздо меньше выполнял, но был ловок, дерзок, имел вид свойского человека»²¹. Волнения начинаются со снятием губернатора. В сибирском городе происходит насильственный захват власти, при этом народу, ради блага которого, казалось бы, должны работать представители власти, некому объяснить происходящее.

Люди остаются ожидать решения своей судьбы около здания администрации, которое «являло холодную забронированную тяжесть, как бы говорящую: иди прочь, тут не до тебя»²². Во всей полноте свою преступную сущность захватившие здание администрации люди покажут стрельбой по мирным горожанам и непристойной перебранкой, происходившей над площадью.

«Вы что это, гады, делаете? – обретя технику, заговорил сквер.

– Сам ты гад! – не остались в долгу в Доме. <...> За каждого гада ты у меня по пуле получишь – запомни»²³. Перепалка над площадью продолжается, в адрес толпы обращены всё более оскорбительные реплики, после которых последует автоматная очередь над головами толпы.

«– Ло-жись! – крикнуло из Дома радио и задребезжало смехом»²⁴.

Автоматчик здесь символизирует безликую бездушную силу, открыто насмехающуюся над людьми, которые находятся в его власти.

Позже мэр города Оборин попытается остановить преступившего границы дозволенного спецназавца, но даже ему в ответ послышится: «Сам заткнись, мэ-э-эр! Развёл тут дерьмо!»²⁵. Далее от пули спецназавца падает не выдержавший унижения казак. Мэр даёт приказ прекратить стрельбу, но люди с оружием в руках не подчиняются никому. Тем не менее, в финале рассказа В. Распутина появляется надежда на то, что народ не согнётся перед силами зла. Произведение завершается строками: «Шли справа и слева, спереди и сзади. И так легко стало: шли»²⁶. Однако давящая народ сила выглядит крайне могущественной – немало жертв может пасть до того времени, как она будет побеждена.

Беззащитный человек перед лицом мира, живущего по бесчеловечным законам, показан в рассказе «В ту же землю» (1995). Его фабула сводится к тому, что у Пашуты умирает мать, а хоронить женщину в городе по закону нельзя, так как у неё не было городской прописки («чтобы быть прописанным на городском кладбище, надо при жизни иметь прописку в городе»²⁷). Проблему отсутствия официальной регистрации можно было решить, если бы у родственников умершей были деньги, но у Пашуты нет средств даже на похороны, не то что на подкуп должностных лиц («там миллион заплати и там миллион с полмил-

лионем, а там только полмиллиона и ещё семь раз по полмиллиону. Меньше нигде не берут. Но откуда у Пашуты такие деньги? У неё нет их ни в десятой, ни в сотой доли»²⁸).

По сути, В. Распутин показывает, как люди, не имеющие средств, теряют право на похороны, проведённые согласно многовековым традициям. «Не только стало нельзя жить, но у нас отняли и сокровенное, священное право – мирно отдать прах матери-земле»²⁹, – отмечает А. Солженицын, анализируя распутинский рассказ. Новые хозяева жизни готовы не просто навязывать людям определённый образ жизни, но и фактически лишают их права на похороны: «Без них, дорогая Пашута, туда не попасть. Это не деревня. Сердце продавай, печень, селезёнку, душу... Теперь все покупают, но иди к ним»³⁰, – констатирует единственный товарищ женщины Стас Николаевич.

У главной героини рассказа фактически не осталось ни родных, ни друзей, ни тех, кому бы она могла довериться. «Не мы с тобой стали никому не нужными, а всё кругом, всё. Время настало такое провальное, всё сквозь землю провалилось, чем жили»³¹, – с горечью говорит Пашута единственному товарищу, к которому она приходит за помощью. Пашута просит изготовить гроб и помочь провести тайные похороны на пустыре, в которых «все попереk обычаев»³².

В рассказе создан крайне враждебный по отношению к героине образ внешнего мира. Это передаётся с помощью пейзажа, открывающего произведение, – в художественных деталях, которые используются в описании, отражена семантика смерти. «Крайней улицей микрорайон выходил на овраг, обширный и пустой, лежащий огромной неровной впадиной»³³; «Потом, когда жизнь открылась сплошной раной, трамплин забросили, и металлическая ферма его теперь торчала голо и мёртво, как скелет»³⁴. В отдалённый микрорайон, уродливые очертания которого представлены в начале рассказа, Пашута переехала, не выдерживая аварийных выбросов комбината. Кажется, что против распутинской женщины и город, на окраине которого она ютится, и государство с бесчеловечными законами, и окружающие её люди. Писатель показывает результат данного противостояния: долгое время прожив в одиночестве, в тех условиях, которые просто не приспособлены для нормальной человеческой жизни, Пашута и сама переменялась.

В. Распутин с глубоким сочувствием описывает судьбу женщины, но он не умалчивает о том, что, проходя через постоянные испытания, героиня рассказа утрачивала важные для обыкновенного человека качества. Первое, что можно отметить, читая произведение, – необычные эмоции измученной постоянными лишениями женщины. Так, поняв, что мать умерла, Пашута «тяжким порывистым стоном заскулила пособачьи, закрывая рот, чтобы не услышали»³⁵.

Смерть матери становится для Пашуты, прежде всего, не личным горем, а неразрешимой законным способом проблемой, связанной с необходимостью проводить в последний путь усопшую. «<...> не о матери, зажившейся на свете и скончавшейся несколько часов назад, плакала эта рыхлая мужиковатая женщина, не себя она жалела, никогда не снисходя до жалости к себе, а, сильной, ко всему привыкшей, не хватало ей сил, чтобы подступить к страшной тяжести приближающегося дня»³⁶. Пашута не хочет разделить своё горе с кем-то из окружающих – она скрывает смерть бабушки даже от Таньки, шестнадцатилетней приёмной внучки. Да, это можно объяснить страхом того, что о тайных похоронах узнают посторонние люди, однако очевидно и то, что Пашута потеряла способность принимать человеческую поддержку.

В рассказе автор комментирует имя героини, заостря внимание на том, что в сущности оно перестало быть женским: «Имя, как одежда, меняется, чтобы облегать человека, соответствовать происходящим в нём переменам. Была Пашенька с тонкой талией и блестящими глазами; потом, войдя в возраст, в замужество, в стать – Паша; потом один человек первым подсмотрел – Пашута. Как фамилия. Так и стали называть, порою не зная, имя это или фамилия»³⁷. В распутинской героине с годами оставалось всё меньше женских черт – неслучайно в рассказе упоминаются бабьи усы как «образец какого-то внутреннего неряшества»³⁸.

У Пашуты очень непростая судьба: в восемнадцать лет убежала она на стройку, «почти десять лет то в общежитии, то в бараке», детей у неё не было после аборта; женщина разошлась с первым мужем, сошлась со вторым, который бросил её с приёмной дочерью на руках. Образ Пашуты можно рассматривать в ряду распутинских героинь, которые не выдержали испытания городской жизнью. В итоге она «потеряла себя – да, потеряла. В одиночестве это происходит быстро. Человек не может быть нужен только самому себе, он – часть общего дела, общего организма, и когда этот живой организм объявляется бесполезным, обмирают и все его органы, существовать внутри своей функции они не в состоянии»³⁹.

Осуждать героиню рассказа за то, что она утратила лучшие душевные качества, как и за её решение похоронить мать вопреки человеческим законам и многовековым традициям, невозможно – Пашута представляется жертвой жестокой жизни, в которой люди оказались никому не нужны. В. Распутин показывает, что немало страдавшей женщине даровано высшее прощение – такой вывод можно сделать из анализа смены пейзажа произведения. Когда Стас с Пашутой отправляются за город искать место для захоронения Аксиньи Егоровны, погода была «самая воровская, но для какого-то особого, как у неё, у Пашуты, воровства, от которого страдает не собствен-

ность чья-то, а сами человеческие устои. Против чего-то слишком серьёзного и святого выступила Пашута; как знать, не держится ли сейчас, в эти минуты, всемогущий и справедливый совет: допустить ли, даже из милосердия, её готовящееся покушение...»⁴⁰. Данный пейзаж контрастен описанию погоды, которая стоит в день похорон – на землю падает снег как символ прощения и очищения. «Словно высшая сила сникала над человеческой слабостью и своевољством. Ветер затихал, прохаживаясь остывающими порывами, небо белело, и лиственницы-близнецы, возвышающиеся над соснами, стояли в нём красиво и грозно»⁴¹.

Кончина матери и незаконные похороны – события, которые приводят героиню к размышлениям о жизни и смерти и вере в Бога. Страх перед Высшим Судом появляется у Пашуты ещё до похорон, когда приёмная внучка Таня спрашивает, была ли Аксинья Егоровна верующей. Здесь в душе женщины, рождённой, по меткому выражению Тани, «от советской власти»⁴², появляются сомнения: «Одно дело – грубо, вопреки правилам, спровадить неприкаянную душу, и совсем иное – если там у души дом родной, где её ждут»⁴³. В. Распутин не показывает подробно путь женщины, которая, по всей видимости, никогда не бывала в храме («Я выпала, обо мне разговора нет»⁴⁴, – говорит Пашута внучке), в финале рассказа приходит в церковь спустя несколько месяцев после страшных похорон. «Спасение героини автор видит в обращении к Богу: измученная чувством неизбывной вины, греха, страдая от обвинений к самой себе, нуждаясь в снисхождении, прощении, Пашута приходит к храму-церкви как символу надежды и веры»⁴⁵. С. Семёнова рассматривает финал рассказа как надежду на возрождение всей России: «Напряжение, почти невыносимое, приглушается; смиряется, наполняется нового терпения душа... Может, и это не край, может, выдержит народ?...»⁴⁶

Под влиянием человека, который пограл все традиции и морально-нравственные устои, меняется и окружающий мир. В этом состоит основная идея рассказа 2003 г. «В непогоду». В основе его фабулы лежит буран, который на несколько дней парализовал жизнь санатория, где происходит действие. Герой произведения размышляет о том, нет ли вины человека в непогоде и губительных для всей планеты процессах. «Подтаивает вечная мерзлота в северных широтах, побежали ручьи с вечных снегов Килиманджаро, Северный полюс, удерживающий земную ось, превращается в снежную кашу, по которой ни пройти, ни проехать... Учёные, снимая вину с человека, толкуют о цикличности: мол, подобные потепления уже не однажды бывали и всё это в порядке вещей. А ветхозаветное предание напоминает о Всемирном потопе»⁴⁷. Рассказчику чудится ответ на этот вопрос в словах тётки Утилиты – простой деревенской женщины, на-

делённой необыкновенной мудростью: «Ну а как же: ежели мимо рук, ежели окромя Бога... не-ет, такой свет не устоит»⁴⁸. Главный герой произведения полагает, что в небывалых порывах ветра, в катаклизмах, которые так часто настигают то один, то другой район нашей планеты, кроется назидание: «<...> жуткие эти стенания – не без горького плача родных наших, сошедших с земли, о нашей участи»⁴⁹.

В. Распутин напоминает читателю историю гибели самого могущественного государства Древнего мира – Римской империи. «Оказалось, что нет силы сокрушительней <...>, чем маленькая, бесконечно невзрачная букашка-душегуб, слизистая тля»⁵⁰. Под тлей писатель подразумевает вседозволенность, распущенность нравов, попрание многовековых устоев жизни, отказ от традиций ради сиюминутной выгоды, наслаждений. Далее в рассказе следует указание на целый ряд прецедентов, каждый из которых может рассматриваться как малозначительный, однако вместе они создают картину саморазрушения человеческой цивилизации: «По большим праздникам у нас ликует вся планета. Миллионные толпы собираются на площадях, миллионноустый восторг оглашает за десятки километров окрестности, когда салютующие пушки выбрасывают высоко в небо феерию разноцветных огней, а вослед им грохочут тысячекратные усилители нашей громобойной музыки, гремят петарды и хлопушки, на подмостках сцен бьются перед микрофонами в истерике исполнители художественного крика, что-то кричат и подпрыгивают на плечах отцов и матерей младенцы...»⁵¹. В. Распутин во многих произведениях фиксирует особенности отдыха людей нашего времени как приметы разрушения цивилизации. Иными стали забавы человека XXI в., вкусы и стремления. По мнению сибирского писателя, приметы наступающего антропологического кризиса проявляются в безнравственных телепрограммах, которые ежедневно собирают миллионы зрителей, поп-музыке, пагубно сказывающейся на развитии молодых людей, спектаклях, в которых присутствуют эротические безнравственные сцены, и т. д. «Если бы человек собирался жить долго и совершенствоваться, разве бросился бы он сломя голову в этот грязный омут, где ни дна, ни покрышки? Он должен был помнить об участи Содома и Гоморры»⁵², – заключает рассуждения писатель напоминая о понятии греховного, которое постепенно стирается в сознании определённого круга наших современников.

Надежда на благоприятный исход у писателя остаётся – неслучайно рассказ «В непогоду» завершается описанием тихого утра, ознаменовавшего возвращение санатория к обыкновенной жизни. «И уже через два часа осели снега, зазвенела капель, волшебными своими трубочками затрубили птицы...

И мудро отступил в сторонку Апокалипсис»⁵³.

Таким образом, в поздней прозе В. Распутина заметна надежда на возрождение человека. Нельзя не отметить острое публицистическое начало в позднем творчестве писателя. Порой в его художественных текстах появляются вкрапления публицистического характера, как в проанализированных нами рассказах «Россия молодая», «В одном сибирском городе» и «В непогоду». В. Распутину крайне важно показать читателю грозящий человеческой цивилизации антропологический кризис не как отдаленное явление, а как угрозу именно нашего времени. Уберечься от него можно лишь встав на путь самосовершенствования.

Примечания

- ¹ *Солженицын А.* Слово при вручении премии Солженицына Валентину Распутину 4 мая 2000 // *Новый мир.* 2000. № 5. С. 187.
- ² *Угловская Г.* Рассказ В. Распутина : Динамика жанра : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ. 2006. С. 136–137.
- ³ *Распутин В.* В одном сибирском городе // *Распутин В.* Собрание повестей и рассказов в одном томе. М., 2017. С. 206.
- ⁴ *Распутин В.* Сеня едет // Там же. С. 220.
- ⁵ *Распутин В.* В больнице // Там же. С. 278.
- ⁶ *Распутин В.* Россия молодая // Там же. С. 249.
- ⁷ *Распутин В.* В ту же землю // Там же. С. 297.
- ⁸ *Распутин В.* Женский разговор // Там же. С. 291.
- ⁹ *Распутин В.* Пожар // *Распутин В.* Прощание с Матерой. Повести. Рассказы. М., 2015. С. 555.
- ¹⁰ *Распутин В.* Россия молодая. С. 245.
- ¹¹ Там же. С. 246.
- ¹² Там же. С. 248.
- ¹³ Там же. С. 249.
- ¹⁴ Там же. С. 253.
- ¹⁵ Там же. С. 249.
- ¹⁶ Там же. С. 250.
- ¹⁷ Там же. С. 251.
- ¹⁸ Там же. С. 247.
- ¹⁹ *Распутин В.* Сколько будет лет в XXI веке? Предъюбилейные размышления // *Распутин В.* У нас остается Россия : Очерки, эссе, статьи, выступления. М., 2015. С. 838.
- ²⁰ *Распутин В.* В одном сибирском городе. С. 205.
- ²¹ Там же. С. 206.
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 213.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 215.
- ²⁶ Там же. С. 216.
- ²⁷ *Распутин В.* В ту же землю. С. 301.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Солженицын А.* Указ. соч. С. 189.
- ³⁰ *Распутин В.* В ту же землю. С. 311.

- ³¹ Распутин В. В ту же землю. С. 312.
³² Там же. С. 314.
³³ Там же. С. 297.
³⁴ Там же.
³⁵ Там же. С. 298.
³⁶ Там же.
³⁷ Там же.
³⁸ Там же.
³⁹ Там же. С. 303.
⁴⁰ Там же. С. 319.
⁴¹ Там же. С. 325.
⁴² Там же. С. 316.
⁴³ Там же.
⁴⁴ Там же.
⁴⁵ Угловская Г. Указ. соч. С. 125.
⁴⁶ Семенова С. Читать Распутина – постигать Россию // Валентин Григорьевич Распутин : библиогр. указатель. Иркутск, 2007. С. 42.
⁴⁷ Распутин В. В непогоду // Распутин В. Собрание повестей и рассказов в одном томе. С. 503.
⁴⁸ Там же.
⁴⁹ Там же.
⁵⁰ Там же. С. 504.
⁵¹ Там же. С. 504–505.
⁵² Там же. С. 505.
⁵³ Там же. С. 506.

Образец для цитирования:

Васильева Ю. О. Мотив саморазрушения человека в рассказах В. Распутина 1990–2000-х годов // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 81–86. DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-81-86.

Cite this article as:

Vasilyeva Yu. O. The Motive of a Person's Self-destruction in V. Rasputin's Stories of the 1990–2000s. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2018, vol. 18, iss. 1, pp. 81–86 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2018-18-1-81-86.
